

Цзи Уя медленно разжал сжатые в кулак пальцы, и на его ладони лежал цветок камелии, излучающий мягкий свет. Он взял руку Чу Тянью и положил цветок ей в ладонь.

— Уже поздно. Остальное обсудим завтра, пора отдыхать.

Чу Тянью смотрела на цветок в своей руке, погруженная в размышления, и лишь через некоторое время ответила:

— Я посижу в медитации.

Для практикующего заменять сон медитацией было обычным делом, но сон всё же оставался удовольствием, и большинство культиваторов, если не было особой необходимости, всё же выбирали сон.

— Иди спать, — сказал Цзи Уя. Его тон оставался мягким, но в нём чувствовалась непреклонность.

— Я лягу на кушетку.

Их ситуация была особой. Накануне Яогуан одна провела всю ночь за столом, пока он был без сознания, и ничего поделать было нельзя. Сегодня же он не мог позволить ей снова уступить кровать и провести ночь в медитации. Даже если бы она не была его спутницей Дао, а просто обычной женщиной-культиватором, он бы не поступил так.

В комнате у окна стояла кушетка, на которой мог поместиться один человек. Чу Тянью оказалась «выдворенной» на кровать. Сидя на краю, она с лёгким замешательством наблюдала, как Мо Чанфэн, взяв одеяло, направляется к кушетке.

Мо Чанфэн считал её женщиной и потому проявлял заботу, и нынешние его действия были продиктованы тем же. Но на самом деле она не была женщиной, и ему не нужно было так себя ограничивать. К тому же Мо Чанфэн то и дело падал в обморок, и если бы он провёл ночь на кушетке и простудился, это доставило бы хлопоты именно ей.

Если Мо Чанфэн мог идти на уступки, то и она могла потерпеть. Сжав зубы, Чу Тянью произнесла:

— Поднимайся. Будем спать вместе.

— Всё в порядке, я как-нибудь переночую... — начал отказываться Цзи Уя, зная, что Яогуан не любит физического контакта, да и между мужчиной и женщиной должно быть расстояние.

— Если завтра ты простудишься, проблемой будешь для меня, — твёрдо заявила Чу Тянью.

Решив что-то, она не меняла своего мнения. К тому же они оба были мужчинами, и спать на одной кровати не было ничего предосудительного. Если уж на то пошло, это была комната Мо Чанфэна, и именно она здесь чужая.

Кровать в спальне была достаточно широкой, чтобы вместить четверых. Под настойчивым взглядом Яогуан Цзи Уя согласился. Если она, женщина, не возражала, то что ему было стесняться? Взяв одеяло, Цзи Уя поднялся на кровать, в душе испытывая ещё больше симпатии к этой странной, заботливой натуре Яогуан.

Они лежали на кровати, каждый под своим одеялом, оставляя между собой пространство на двоих. Он опустил занавески, и слои лёгкого шёлка и парчи скрыли мерцание свечей снаружи.

Наступило утро.

Цзи Уя открыл глаза, чувствуя себя свежим и бодрым. Циркуляция духовной силы показала, что его уровень совершенствования поднялся на ступень.

Восьмой уровень Ци — достигнут.

Он невольно прижался подбородком к человеку в своих объятиях, коснувшись мягких чёрных волос. Девушка в белой исподней одежде прильнула к его груди, крепко спала.

Цзи Уя с удивлением почувствовал скопление духовной энергии вокруг. Он не собирал её сознательно, так в чём же дело?

Его взгляд упал на Яогуан. Он осторожно отодвинулся, чтобы она, проснувшись, не приняла его за негодяя. Затем он заметил, что духовная энергия не рассеивалась, а продолжала кружить вокруг неё. Яогуан спокойно дышала, и с каждым её вдохом и выдохом энергия вокруг то уменьшалась, то вновь собиралась.

Неужели эти клубящиеся духи... она поглощает их во сне? — с странным выражением лица Цзи Уя приподнялся на кровати.

Большинству культиваторов для поглощения духовной энергии необходимо было сосредоточить сознание, чтобы собрать её вокруг, а затем, следуя технике, провести энергию по меридианам, чтобы в итоге она в дантяне превратилась в их собственную духовную силу. Для этого требовалось осознанное усилие. Достичь состояния, когда практика идёт автоматически, тем более во сне... требовалось долгое обучение и постоянная тренировка.

Неужели его спутница Дао — фанатик культивации? Понимание Цзи Уя о Яогуан всё ещё было смутным, словно он смотрел сквозь туман. Каждый раз, развеивая одно облако и улавливая проблеск истины, он сталкивался с новыми вопросами.

В его сердце внезапно возникла жалость. Что же она пережила, что заставило её выработать такой аскетичный, подобный монашескому, способ совершенствования?

Это постоянное самоистязание уже выходило за рамки обычного фанатизма в практике.

Убедившись, что Яогуан не проснулась, Цзи Уя приподнял занавеску и бесшумно спустился с кровати.

Как спутники Дао, даже если их союз был случайным, они не испытывали друг к другу настороженности во сне и не просыпались от близости.

[Вот почему двое, что прошлой ночью лежали, словно разделённые Великой Китайской стеной, этим утром оказались в объятиях друг друга, даже не проснувшись. Всё благодаря Договору спутников Дао.]

Проснувшись, Цзи Уя отправился в тихую комнату в юго-восточном углу Павильона Внемлющего Журавлю.

Тихая комната использовалась для затворничества и медитации, но прежний Мо Чанфэн ею почти не пользовался. К счастью, её регулярно убирали, и она была готова к использованию.

Ресурсы для практики Мо Чанфэна всегда были в избытке. Помимо ежемесячных поставок, Мо Сяюнь часто присылал дополнительные вещи.

Достав из хранилища предупреждающие талисманы, он активировал их духовной силой и запустил в комнате массив сбора духовной энергии.

В мгновение ока концентрация энергии в помещении увеличилась почти в десять раз.

В центр массива Цзи Уя без колебаний вставил средний духовный камень. Ощущение изобилия духовной энергии заставило его вздохнуть с удовольствием.

— Вот это практика, — сев в позу лотоса, Цзи Уя начал направлять энергию по своим меридианам.

Проходя уже знакомый путь, он ясно понимал каждую ступень и каждое состояние сознания. Ему оставалось только набрать достаточно силы, чтобы прорваться на следующий уровень.

Если бы кто-то мог увидеть его изнутри, то заметил бы, что Обратная чешуя, лежащая у его сердца, медленно вращалась в плоть и кровь, словно заново формируясь.

А когда тонкие нити духовной силы проходили через область сердца, в тусклом Драконьем Жемчуге мелькала тень величественного чёрного дракона, который, разинув пасть, поглощал две трети энергии, чтобы укрепить и восстановить себя.

Культиваторы совершенствуют Золотую Пилюлю, демоны — Демоническую Пилюлю.

Цзи Уя был драконом. В прошлой жизни он взорвал свою Демоническую Пилюлю и тело, а его душа, спрятанная в Драконьем Жемчуге, через пространственную трещину попала в Низший Бессмертный Мир.

Для драконов самым важным был Драконий Жемчуг, а не Демоническая Пилюля.

Драконы были редки, и об этом знали немногие. Иначе он вряд ли смог бы уйти так легко.

Чу Тянью проснулась, не помня событий прошлой ночи. Увидев аккуратно сложенное рядом одеяло, она решила, что её сон был спокойным.

Она всегда спала одна и на самом деле не знала, как ведёт себя во сне. Будь она в своём теле, она предпочла бы медитацию.

Её утренний туалет снова совершала Лань Цин. На первый взгляд, Лань Цин не изменилась после вчерашнего разговора, но на самом деле сегодня за неё всё делали две служанки, которых та привела.

— А где молодой господин? — спросила Чу Тянью, открыв глаза и не обнаружив Мо Чанфэна.

Пин Ань, расставлявший утреннюю трапезу, услышав её вопрос, улыбнулся и, обернувшись, ответил с выражением лица, полным гордости за своего господина:

— Молодой господин рано утром отправился в тихую комнату. Он велел нам не беспокоить вас, сказав, что вы вчера сильно устали и должны хорошо отдохнуть.

— Завтрак тоже по его приказу подали, как только вы проснулись.

Цзи Уя, уходя, лишь сказал «не будите её», но Пин Ань превратил это в целую историю. Будь Цзи Уя здесь, он бы лишь посетовал на такое богатое воображение.

Чу Тянью, взяв в пальцы красную бумажку для губ и подражая обычным женщинам, замерла на мгновение. Тихая комната? Мо Чанфэн отправился практиковаться.

— Он сказал, когда выйдет?

— Этого молодой господин не упоминал, — подумав, покачал головой Пин Ань. — Раньше он бывал в тихой комнате считанные разы.

— Понятно, можете идти, — сжав губы, Чу Тянью посмотрела на своё нарядное отражение в зеркале, чувствуя лёгкое волнение.

Она тоже не могла позволить себе расслабиться.

Мо Чанфэн был в тихой комнате, а Чу Тянью отпустила всех слуг. Она методично практиковалась с мечом, медитировала и постепенно восстанавливала повреждённую душу.

Она не была женщиной, которой постоянно нужно было общество.

Как только она погружалась в практику, и Цзи Уя, и Чу Тянью переставали замечать течение времени.

Дверь тихой комнаты открылась только с наступлением ночи.

<http://bllate.org/book/15414/1363169>